

ЛИДИЯ ЧАРСКАЯ

Большая книга
Новогодних историй
для девочек

Лидия Алексеевна Чарская
Большая книга новогодних
историй для девочек
Серия «Большая праздничная книга»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43897439

Большая книга новогодних историй для девочек: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-119023-1

Аннотация

Эта книга – прекрасный праздничный подарок для детей и взрослых, сюрприз для всех, кто любит открывать для себя загадочные миры Лидии Чарской – одной из лучших детских писательниц, которую любили и любят все: и девочки дореволюционной России, и писатель Корней Чуковский, и даже королева Великобритании!

Содержание

Предисловие современника	5
Рассказы	11
Два сочельника	11
Елка через сто лет	20
Две елки	29
Маля	33
Привидение	40
Благодетель	46
Герои	55
Жужу. Сочельник в Швейцарии	66
В рождественский вечер	72
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Лидия Чарская

**Большая книга новогодних
историй для девочек**

© Текст. Лидия Чарская, 2019

© Оформление ООО. «Издательство АСТ»

* * *

Предисловие современника

Как живет и работает

Лидия Чарская

В дачной местности Сестрорецк, близ Петербурга, по Приморской железной дороге, среди глубоких песков, на берегу речки Бочаги, приютилось небольшое деревянное здание, напоминающее швейцарский домик-шале. Здание — двухэтажное, окружено уютным садиком и утопает в цветах.

В окне верхнего этажа этого домика в течение лета ежедневно, с утра и до трех часов дня, можно видеть молодую женщину, которая, сидя за большим письменным столом, усердно пишет.

Ровно в три часа она бросает перо, прячет в стол написан-

ное и, захватив книгу, отправляется то на морской пляж, то в лес, то на песчаный берег Бочаги, где углубляется в чтение. Иногда она садится в лодку и совершает прогулку, с которой возвращается лишь к шести часам, к приготовленному к тому времени обеду.

После обеда в окне верхнего этажа опять появляется ее голова, склоненная над письменным столом.

Эта молодая женщина – Лидия Алексеевна Чарская, популярнейшая теперь детская писательница, автор рождественских повестей «Институт благородных девиц» и «Приключения Таси», рождественских рассказов «Герои», «Жужу. Сочельник в Швейцарии», «В рождественский вечер» и многих-многих других произведений, которыми так зачитывается юное поколение.

В Сестрорецке она одна из постоянных летних жительниц. Живет там уже восемь лет, но обыкновенно только в конце лета, так как первые летние месяцы проводит за границей.

Юные дачники и дачницы Сестрорецка и его окрестностей хорошо знают свою любимицу и всячески стараются выказать ей внимание. Наиболее восторженные поклонники и поклонницы преследуют ее по пятам, присылают ей письма и цветы, делают попытки завести с ней личное знакомство.

Летние месяцы – обычное для многих время отдыха – для Лидии Чарской страдная пора, пора усиленной литературной работы. С утра садится она за письменный стол и, не от-

рываясь, проводит за ним по четыре-пять часов, а то и больше, не обращая внимания на горячие лучи солнца, проникающие в ее «литературную лабораторию».

– Я страстно люблю солнце и только при солнце умею работать, – заявляет Чарская. – Оно меня вдохновляет, оно меня бодрит. В хорошие солнечные дни как-то пишется легче.

Но... Если бы стоящая на столе лампа могла говорить, она бы рассказала, что прилежный автор «Приключений Таси», «Княжны Джавахи», «Записок институтки» часто и ночью подолгу засиживается над работой.

Раз писательница принялась за какую-либо вещь, ее уже нельзя оторвать от стола. Она тогда никого не принимает, ни о чем другом не думает. Многочисленные юные поклонницы Чарской, которые желают в это время к ней проникнуть, получают от горничной один и тот же ответ:

– Барыня работают, никого не принимают...

Приходите после, вечером.

Но и вечером Лидия Алексеевна несвободна: вечерние часы она посвящает переписке с юными своими друзьями. А переписка эта огромная. Со всех концов России ежедневно получают на имя любимой писательницы десятки писем и от родителей, и от детей с разными вопросами, просьбами, пожеланиями... Приходится терпеливо перечитывать иногда не совсем грамотно написанные письма юных корреспондентов и отвечать по крайней мере на некоторые из них. Отвечать на все нет никакой возможности. Постороннему

лицу трудно даже представить, как осаждают письмами автора «Записок институтки» ее юные друзья-читатели.

Свободное от работы время Л. А. Чарская посвящает чтению. Читает она чрезвычайно много, усердно следит за новейшею художественной литературой, не пропускает ни одной выдающейся литературной новинки. В то же время она очень внимательно читает книги по философии, истории, педагогике, знакомится с новой детской литературой.

И только поздним вечером писательница позволяет себе вполне отдохнуть и отправляется гулять в сопровождении высокого, стройного гимназиста. Это – сын Лидии Чарской, трогательно описанный в одной из ее повестей – «Ненаглядный принц».

Страстная любительница спорта, писательница то катается со своим сыном на лодке, то мчится верхом на лошади, то играет в лаун-теннис, то, превратившись в беззаботную институтку, бегают по саду с посещающими ее детьми.

Так проходит у Лидии Чарской вся вторая половина лета. Многие удивляются замечательной плодовитости Чарской, ее неисчерпаемой фантазии: ведь за двенадцать лет литературной работы она выпустила восемьдесят больших томов повестей и рассказов для детей и юношества, да кроме того еще несколько романов для взрослых, том стихотворений, несколько сборников коротеньких рассказцев для малюток, сказки...

Работоспособность Чарской действительно изумительна.

– Я не умею сидеть сложа руки, – говорит она. – Пишу потому, что в литературной работе нахожу высшее наслаждение, потому, что чувствую постоянную потребность писать – не могу не писать... Если бы у меня отняли возможность писать, я перестала бы жить... Без людей, без общества я могла бы прожить, а без чернил, пера, бумаги это невысказано!

Откуда же берет писательница сюжеты для такого огромного числа произведений? Этот вопрос задают ей многие, считая, что детская жизнь вообще не богата интересными приключениями. Против такого мнения Лидия Чарская всегда горячо протестует.

– По-моему мнению, детская и, в особенности, юношеская жизнь – неисчерпаемый клад для писателя... – говорит она. – Что касается меня, то большинство тем моих повестей я заимствовала из пережитого мною лично в детстве и из жизни моих подруг и друзей детства. И этот источник все еще мною не вполне исчерпан. У меня в памяти сохранилось еще многое, чего я не использовала. Кроме того, я постоянно слежу за детской жизнью, стараюсь проникнуть в этот замкнутый и для многих недоступный мирок, наблюдаю жизнь детей и подростков, беру из нее все то, что кажется мне подходящим... Да помимо этого я многое черпаю из того, что рассказывают мне мои юные друзья».

В своем творчестве Лидия Чарская придерживается строго заведенного ею самой «режима». А режим этот состоит в следующем.

Задумав сюжет для новой повести, она набрасывает на бумаге общий план, намечает типы, ход и развитие темы. Когда это – по мнению писательницы, «самое важное и самое трудное» – вполне готово, наступает процесс писания. Крупным, размашистым почерком на больших листах линованной бумаги, безо всяких полей, писательница создает одну главу за другой.

Но при этом нередко случается, что она остается написанным недовольна, рвет в куски десятки исписанных страниц и принимается снова за работу. Затем следует кропотливая «чистка»: исправления, дополнения, изменения.

По окончании каждого произведения – передышка и отдых на несколько дней, а затем – опять за работу.

Виктор Русаков, 1913

Рассказы

Два сочельника *Рождественский рассказ*

С тех пор как Диночка Переверзева начала помнить себя, рождественская елка у них в семье всегда устраивается в сочельник. И всегда очень торжественно, шумно и людно. Целый день весь дом готовится к торжественному вечеру.

Диночка, мамуся и папочка украшают елку. Елка эта бывает непременно огромная, под потолок, и непременно красивая, как и подобает быть красивой, роскошной, пахучей и зеленой волшебнице леса. От нее вкусно-превкусно пахнет хвоей и лесным воздухом, который появляется в натопленных комнатах барских домов раз в год, в сочельник. С утра начинается усиленное передвижение в квартиру Переверзевых из кондитерской, из игрушечного магазина, из фруктовой. Какие-то таинственные сверточки, какие-то картонки и тюрички, мешочки и опять тюрички и картонки извлекаются то и дело из огромнейших корзин проворными руками мамуси, папочки, самой Диночки, мисс Фанни – Диночкиной гувернантки, и старой Астафьевны – Диночкиной няни, которая вынянчила и самую Диночку, и мамусю, и чуть ли не мамусину маму.

К восьми часам все уже готово: елка сияет, сверкает, блестит и благоухает в ожидании гостей, которые съезжаются в восемь. И тут-то начинается настоящее торжество.

В этот сочельник Диночка уже «почти взрослая». Ей четырнадцать лет. Вся она хрупкая, как веточка, тоненькая и беленькая, как снежная королева. Папочка так и называет свою беленькую большую девочку – Снежной королевой. А мама всякий раз, как Диночка возвращается из гимназии с мисс Фанни, говорит, целуя ее:

– Не нравится мне, что ты такая бледная, Динуша. Мало-кровие это, лечиться надо.

И Диночка лечится: усердно принимает рыбий жир, пилюли, мясной сок и еще какие-то целебные порошки в облатках.

Но в сочельник Диночка неузнаваема. Щеки ее покраснелись, лицо оживлено сияющей улыбкой, синие глаза горят. Ну, совсем как вишенка и ничуть не «снежная королева».

Нынче съехалась пропасть гостей, гораздо больше, нежели в предыдущие годы. Еще бы! До сих пор все они были маленькие: и сама Диночка, Вава Зноева, и Саша Майкова, и Мери Щербет, и Воля с Максом, и братья Гронверские, и вся эта зеленая молодежь, что наполняет сейчас гостиную Перерезевых, посреди которой высится огромная елка.

Какая она прелесть, эта елка! Сколько роскошных вещей навешано на ее зеленых ветвях! Как красиво сверкают в лучах бесчисленных электрических лампочек все эти чудесные безделушки!

Но странно! Собравшиеся юные гости и их молоденькая хозяйка так мало интересуются в этом году елкой. Все они важно расселись по креслам и диванам, как взрослые молодые люди в ожидании танцев, и ведут «взрослую же», «всамделишную» беседу.

– Вы слышали Шаляпина? – немножко картавя и явно подражая своему старшему брату, кавалерийскому юнкеру, осведомляется тринадцатилетний пажик, Воля Шестаков.

– Ах, какая прелесть! Как он хорош! Я его слышала в «Фаусте», – лепечет Мери Щербет. – А вы, Диночка, слышали

его?

Диночка краснеет до ушей от стыда и обиды. Точно она маленькая! Не слышать Шаляпина, когда все ее гости слышали его! И почему это мамуся и папочка не берут ее в театр?

Она старается пробурчать что-то в ответ этой несносной Мери, вся малиновая, как вишня, но неожиданно взор ее падает на двоих детей, одетых скромно, почти бедно, стоящих в уголку залы и с восторгом взирающих на пышно убранную ель.

Еще ярче вспыхивают щеки Диночки при виде этих бедно одетых ребятишек, детей папочкиного секретаря, незаметного, очень бедного человека, которого почему-то, однако, особенно ценит и уважает папочка.

Диночка чувствует какую-то неловкость перед своими нарядными сверстниками и сверстницами от присутствия этих двух «замарашек» на ее блестящем вечере в рождественский сочельник. А тут еще Макс Весенцев, изящный юный праведник в ослепительно белых перчатках, во франтоватых манжетах и воротничке, вскидывает пенсне на нос и, глядя на неприятных Диночке гостей, цедит сквозь зубы:

– Что сие за явление? Откуда такие прелести?

Диночка уничтожена вконец. Противный Макс! Недостает еще, чтобы он принял этих детей за настоящих гостей ее, Диночки. Куда как приятно! Между тем «прелести» и не думают смущаться. И братишка, и сестренка – в восторге от

елки оба. Ваня и Нюта ничего подобного не видели еще за свою коротенькую жизнь. Дома у них бедность, нужда, недостаток. О елке, конечно, и помина нет. Спасибо еще доброму папиному начальнику, что позвал их сегодня к себе на елку... Уж и елка же! Елка словно в сказке! Во сне такой не увидишь, пожалуй! Ваня и Нюта ошеломлены. Глазенки их горят. Руки сами собой тянутся к нарядному, очаровательно красивому деревцу. И дети, забывшись, громко делятся впечатлениями друг с другом.

– Ваня, ты погляди! Огоньков-то сколько, желтые, синие, красные, голубые! – восторженно лепечет Нюта.

– А паяц-то, паяц, ишь какой забавный! – указывая пальцем на красивую, висящую на ближайшей к нему ветке безделушку, вторит ей, тоже захлебываясь от восторга, Ваня.

– А пряник-то какой огромный, видишь?

И мишка, гляди, мишка! Совсем как живой!

О, это уже слишком, по мнению Диночки. Она вся как на иголках...

– Точно дети с улицы! Никакого воспитания – ну, решительно, никакого! Просто стыд и срам!

И она украдкой обводит глазами своих гостей.

Какие у тех насмешливые лица и улыбочки! Ах, зачем только папочка позвал таких невоспитанных детей! Что о них, Переверзевых, будут думать их «настоящие» гости! Какое общество увидят они здесь!

До ушей Диночки долетает насмешливая фраза Мери

Щербет, ужасной аристократки:

– *Ma chere*, откуда вы раздобыли этих дикарей?

– О, они попали сюда прямо с необитаемого острова! – острит Макс.

– Милая непосредственность! Она очаровательна! – смеется Саша Майкова. И непонятно: добродушие или насмешка таится в этом смехе у нее.

Неожиданно Воля (ох уж этот ужасный Воля!) прибавляет, обращаясь к Диночке:

– Вы давно дружите с этими детьми? В прошлом году я их что-то здесь не видел.

О, это уже чересчур!

Красная, как пион, Диночка срывается с места, бросается к елке, не глядя срывает с нее две первые попавшиеся бомбоньерки и сует их в руки Ване и Нюте.

– Вот-вот... – лепечет она с опущенными ресницами и рдеющими щеками, – возьмите это себе на память с нашей елки и идите домой. Сейчас начнутся танцы, а вы все равно не умеете танцевать!

И так же быстро возвращается к кружку молодежи.

Еще год промчался в жизни Диночки. Тяжелый, печальный год.

Папочкины дела пошатнулись. Пришлось «сократиться» во всем еще недавно богатой, ни в чем не отказывающей себе семье. Из огромной квартиры Переверзевы переехали в маленькую. Отпустили мисс Фанни и отказали всему шта-

ту прислуги. Осталась няня Астафьевна, как непременно член семьи, да кухарка Матреша, служившая раньше у них судомойкой на кухне, при поваре.

Но беда никогда не приходит одна. В довершение всего заболела Диночка. Заболела как-то странно. Слабость, бледность, вялость и полная апатия при полнейшем отсутствии какой бы то ни было боли приковывают теперь подолгу к кушетке Диночку.

Теперь она уже настоящая «снежная королева»! Личико у нее, как у Снегурочки, и маленькое-премаленькое, с кулачок! А глаза огромные, как сливы. И горят так ярко лихорадочным, нездоровым огнем.

Мамуся без слез не может смотреть на это бледное личико, а папочка только хмурится и молчит.

И Диночка молчит... Кутается в платок, мучимая лихорадкой и мечтой о том, как было бы хорошо, если бы она сделалась здоровой!

Опять сочельник...

Но как мало похож он на тот, прошлогодний! Бледная Диночка лежит на диване. Маленькая, скромная елка стоит перед ней на столе. И большая тоска холодит сердечко бедной «снежной королевы».

Сегодня сочельник. Но где же та радость, которая всегда поджидала обыкновенно Диночку в этот торжественный день? Где великолепная елка, блестящий вечер, нарядное общество ее юных друзей; где они, эти ее друзья, с такой охотой

приезжавшие к ним в прошлые годы? Никто из юных сверстников и сверстниц не заглянул к Диночке с тех пор, как Диночка больна, а родители ее переменили свою прежнюю большую и роскошную квартиру на теперешнюю скромную и маленькую, где нельзя уже делать ни танцевальных вечеринок, ни роскошной елки...

Никто не пришел поздравить сегодня больную Диночку: ни Саша, ни Макс, ни Воля, ни Мери Щербет... А тогда, бывало... Или они боятся стеснить обедневшую семью? Ах, разве может стеснять участие, выражение дружбы и привязанности!

Слезы жгут Диночкино горло, но она крепится, стараясь скрыть их от папочки и мамуси. Зачем растревлять их и без того измученные сердца? И без того велико их горе...

Няня Астафьевна просовывает в дверь свою благообразную седую голову, повязанную неизменным старушечьим платочком.

– Там... пришли к тебе, Диночка. Хочешь повидать? – шепчет она своей воспитаннице и, не дождавшись ответа больной, широко распахивает двери. На пороге комнаты стоят смущенные и улыбающиеся Нюта и Ваня, дети давно ушедшего от папочки его секретаря. Их милые свежие рожицы смущенно улыбаются Диночке.

Потом оба они нерешительно приближаются к больной. Ваня протягивает ей какой-то сверток.

– С праздником, – говорит он, забавно шепелявя, – вот

поздравить пришли. Принесли пряничков и пастилки. Папа наш праздничные получил, нам на гостинчики дал... Кушай на здоровье!..

А Нюта с важностью взрослой объясняет Дининому папочке:

– И дров купили к празднику, и гуся... А Ване сапоги... Старые-то до дыры сносились... С ног валяются... Так что у нас теперь много полегче будет! Куда легче теперь! Праздничную награду получил нынче наш папа на службе, целых двадцать пять рублей!

Диночка слушает, глядит на детей и маленькое сердечко ее шумно бьет тревогу. Затем она быстро заглядывает в ясные, доверчивые глазки Вани, берет у него сверток из рук и, прижимая коробочку к груди, падает лицом в подушку... И тихо, беззвучно плачет...

Елка через сто лет

Рождественский рассказ

I

Папа и мама плотно прикрыли двери столовой, предупредив Марсика, что в гостиной угар, и запретив мальчику входить туда. Но восьмилетний Марсик отлично знает, что никакого угара там нет. Вообще маленький Марсик знает, что с того самого года, как он начинает помнить себя, всегда каждое двадцать четвертое декабря, то есть в самый вечер рождественского сочельника, в гостиной постоянно неблагоприятно: то там случается угар, как и в нынешнем году, то открыта форточка, то папа ложится после обеда отдыхать не у себя в кабинете, как во все остальные дни года, а непременно там; то к маме приходит портниха, и она примеряет там же очень обстоятельно и долго новое платье перед большим трюмо. В первые годы Марсик очень легко поддавался на эту удочку: он верил и угару, и форточке, и папиному отдыху, и портнихе.

Но за последние два сочельника мальчик настолько вырос, что понял, зачем его дорогие мама и папа прибежали к этой невинной хитрости. Ларчик открывался просто: в го-

стиной украшали елку. Ну да, очаровательную зеленую елочку, которую каждый год устраивали сюрпризом для Марсика.

I

Сидеть и ждать в столовой становилось скучно. В большом камине догорали, вспыхивая алыми искорками, дрова. Ровно, светло и спокойно светила электрическая лампа. Таинственно белели запертые в гостиную двери. А из-за двери другой соседней со столовой комнаты доносился мерный голос «большого» Володи. Володю недаром все называли большим. Он был вдвое старше Марсика и в будущем году должен был кончить реальное училище. Сейчас в комнате Володи сидел Алеша Нетрудный, его закадычный товарищ, которому Володя и читал заданное им, реалистам, на праздники письменное сочинение. «Большой» Володя был очень прилежен и трудолюбив, как и подобает быть взрослому юноше; он успел уже до праздника написать сочинение и теперь читал его вслух Нетрудному.

Вначале Марсик очень мало обращал внимания на Володино чтение. Все его мысли заняты были елкой.

Радостно замирало сердечко предчувствием того светлого и приятного, что должно было случиться сегодня же, скоро и очень скоро: вот пройдет еще полчаса, может быть, час времени, и распахнутся двери в гостиную. Появится на по-

роге их сияющая мама и протянет руки к Марсику и, обхватив его за плечи, поведет в гостиную; а там «она» уже ждет его! «Она» – ветвистая, зеленая, яркая красавица, сулящая столько радости и утех Марсикину сердечку. Потом приедут бабушка с дедушкой и привезут с собой их приемную внучку-воспитанницу, с которой так любит играть Марсик. И еще привезут обещанный поезд, маленький игрушечный поезд, о котором он так мечтал. А под елкой будет его ждать игрушечная же подводная лодка от мамы и папы.

Вот-то прелесть! Уж скорее бы проходило время. Скорее бы прекратились эти несносные минуты ожидания. Вскрабкаться что ли на подоконник и посмотреть на улицу, не едут ли бабушка и дедушка. И Марсик, пыхтя и кряхтя, лезет на высокий выступ окна, чтобы как-нибудь скоротать время.

III

А за стеной все еще слышится четкий и громкий голос «большого» Володи, который продолжает читать вслух.

«Люди делают все новые и новые изобретения. Они научились уже летать по воздуху на особых машинах, называемых аэропланами и дирижаблями. И весьма возможно, что через сто лет люди будут летать по воздуху в особых поездах, точно так же, как ездят теперь по железным дорогам. Кроме того, люди изобретают все новые и новые машины, так что, вероятно, через сто лет все то, что теперь делается

руками, будут делать машины, и даже прислугу в доме будут заменять особые машины»... .

Марсик долго прислушивался к чтению Володи, в его мыслях то и дело теперь носились обрывки прочитанного братом сочинения. А в окна сверху смотрели золотые звезды и холодное декабрьское небо. Внизу же на улице стояла веселая предпраздничная суматоха. Люди шныряли с покупками и елочками подмышкой. Марсику хорошо были видны фигуры прохожих, казавшиеся крохотными, благодаря расстоянию, отделяющему их от окна пятого этажа, у которого приютился скорчившийся в клубок мальчик.

IV

Вдруг темное пространство за окном озарилось светом. Марсик даже вздрогнул от неожиданности и зажмурил глаза. Когда он их раскрыл снова, то остолбенел от удивления. За окном прямо против него остановился небольшой воздушный корабль. На носу корабля сидели бабушка, дедушка и Таша. И у дедушки, и бабушки, и у Таши в руках были свертки и пакеты.

– Здравствуй, здравствуй, Марсик! – весело кричали они ему. – Мы прилетели к тебе на елку.

Надеемся, не опоздали, и елочку еще не зажгли?

Марсик очень обрадовался гостям, доставленным сюда таким необычайным способом. Два электрических фонаря, го-

ревшие на передней части воздушного корабля, ярко освещали их лица. Марсику очень хотелось обнять поскорее дорогих гостей, но он не знал, как это сделать. Между ними и им находилось плотно закрытое на зиму окно.

Но тут поднялся дедушка и протянул к окошку свою палку, на конце которой был вделан крошечный, сверкающий шарик.

Дедушка провел этим шариком по ребру рамы, и окошко распахнулось настежь, а с воздушного корабля перекинулся мостик к подоконнику, и по этому мостику бабушка, дедушка и Таша, со свертками и пакетами в руках, вошли в комнату. Окно тут же само собой захлопнулось за ними.

– Ну, веди нас к елке, где твоя елка? – целуя Марсика, говорили они.

В тот же миг распахнулись двери гостиной, и Марсик вскрикнул от восторга и неожиданности. Посреди комнаты стояла чудесная елка. На ней были навешаны игрушки, сласти, а на каждой веточке ярко сверкал крошечный электрический фонарик, немногим больше горошины.

Вся елка светилась как солнце южных стран. В это время заиграл большой ящик в углу. Но не граммофон, а другой какой-нибудь музыкальный инструмент. Казалось, что чудесный хор ангельских голосов поет песнь Вифлеемской ночи, в которую родился Спаситель.

«Слава в Вышних Богу и в человецах благоволение», – пели ангельски-прекрасные голоса, наполняя своими дивными

звуками комнату.

Скоро, однако, замолкли голоса, замолкла музыка. Папа подошел к елке и нажал какую-то скрытую в густой зелени пружину. И вмиг все игрушки, привешенные к ветвям дерева, зашевелились, как бы ожили: картонная собачка стала прыгать и лаять, шерстяной медведь урчать и сосать лапу. Хорошенькая куколка раскланивалась, поводила глазками и пискливым голоском желала всем добрых праздников. А рядом паяц Арлекин и Коломбина танцевали какой-то замысловатый танец, напевая себе сами вполголоса звучную песенку. Эскадрон алюминиевых гусар производил ученье на игрушечных лошадках, которые носились взад и вперед по зеленой ветке елки. А маленький негр плясал танец, прищелкивая языком и пальцами. Тут же, в небольшом бассейне нырнула вглубь подводная лодка, и крошки пушки стреляли в деревянную крепость, которую осаждала рота солдат.

V

У Марсика буквально разбежались глаза при виде всех этих прелестных, самодвижущихся игрушек. Но вот бабушка и дедушка развернули перед ним самый большой пакет, и перед Марсиком очутился воздушный поезд, с крошками вагончиками, с настоящим локомотивом, с малюсенькой поездной прислугой. Поезд, благодаря каким-то удивительным приспособлениям, держался в воздухе, и, когда дедушка на-

жал какую-то пружинку, он стал быстро-быстро носиться над головами присутствующих, описывая в воздухе один круг за другим.

Кукольный машинист управлял локомотивом, кукла-кондуктор подавала свистки, куклы-пассажиры высовывались из окон, спрашивали, скоро ли станция, ели малюсенькие бутерброды и яблоки, пили из крохотных бутылок сельтерскую воду и лимонад и говорили тоненькими голосами о разных новостях. Потом появилась из другого пакета кукла, похожая как две капли воды на самого Марсика, и стала декламировать вслух басню Крылова «Ворона и Лисица».

Из третьего пакета достали военную форму как раз на фигуру Марсика, причем каска сама стреляла, как пушка, винтовка сама вскидывалась на плечо и производила выстрел, а длинная сабля побрякивала, болтаясь со звоном то сзади, то спереди.

Не успел Марсик достаточно наохаться и наахаться при виде всех этих подарков, как в гостиную вкатился без всякой посторонней помощи стол автомат.

На столе стояли всевозможные кушанья.

Были тут и любимая Марсикина кулебяка, и заливное, и рябчики, и мороженое, и сладкое в виде конфет и фруктов.

– Ну, Марсик, чего тебе хотелось бы прежде скушать? – ласково спросила его бабушка, в то время как невидимая музыка заиграла что-то очень мелодичное и красивое.

– Рябчика! – быстро произнес Марсик.

Тогда бабушка тронула пальцем какую-то пуговку внизу блюда, и в тот же миг жареный рябчик отделился от блюда и перелетел на тарелку Марсика.

Нож и вилка опять по неувловимому движению кого-то из старших так же без посторонней помощи прыгнули на тарелку и стали резать на куски вкусное жаркое.

То же самое произошло с кулебякой и с заливным. Утолив голод, Марсик пожелал винограда и апельсинов, красиво разложенных в вазе. Опять была тронута какая-то кнопка, и сам собой апельсин, автоматически очищенный от кожи, прыгнул на Марсикину тарелку. Тем же способом запрыгали и налитые золотистым соком ягоды винограда. Марсику оставалось только открывать пошире рот и ловить их налету.

– Ну что – нравится тебе такой ужин? А елка понравилась? – с улыбкой спрашивали Марсика его родные.

– Папа! Бабушка! Мамочка! Дедушка! Что же это значит? – ответил им весело и радостно изумленный, взволнованный Марсик.

– А то значит, мой милый, что это елка и ужин будущих времен. Такие чудесные елки увидят, может быть, твои внуки тогда, когда люди изобретут такие приборы и машины, о которых теперь и мечтать нельзя, – отвечала ему мама и крепко поцеловала своего мальчика. На самом деле не одна только мама поцеловала крепко, крепко заснувшего и свернувшегося в клубочек на подоконнике Марсика. Целый град поцелуев сыпался на него:

– Проснись! Проснись, Марсик! С праздником Рождества тебя поздравляем! – слышались вокруг него добрые, ласковые голоса бабушки, дедушки, мамы, папы и Таши. И они протягивали мальчику привезенные с собой подарки. А в открытую дверь уже сияла из гостиной всеми своими многочисленными огнями елка. Марсик широко раскрыл заспанные глазенки.

«Так то был сон?» – хотел он спросить, но сразу удержался при виде окружавших его сияющих по-праздничному родных ему лиц.

Две елки

Рассказ

В густом бору стоит красивая, пышная, молодая елочка. Соседки-подруги с завистью поглядывают на нее: «В кого такая красавица уродилась?» Подруги не замечают, что у самого корня елочки вырос отвратительный, уродливый сук, который очень портит нарядную молодую елочку. Но сама елочка знает про этот сук, больше того – она ненавидит его и всячески горюет и сетует на судьбу: за что она наградила такой безобразной веткой ее, стройную, хорошенькую молодую елочку?

Подошел сочельник. Дедко-Мороз с утра нарядил елки пышной снежной фатой, посеребрил их инеем – и стоят они разубранные, как невесты, стоят и ждут... Ведь сегодня великий день для елочек... Сегодня едут за ними в лес люди. Срубят они елочки, отвезут их в большой город на рынок... А там станут покупать елочки в подарок детям.

И красавица-елочка ждет своей участи... Ждет не дожидаясь, что-то ее ожидает?

Вот заскрипели полозья, показались тяжелые крестьянские сани. Из них вышел мужик в теплом полушубке, с топором, заткнутым за пояс, подошел к елочке и со всех сил ударил топором по ее стройному стволу. Елочка тихо охнула и тяжело опустилась на землю, шурша своими зелеными

ветвями.

– Чудесное деревце! – произнес старый лакей Игнат, со всех сторон оглядывая красавицу-елочку, только что купленную им на рынке по поручению хозяина, богатого князя, для маленькой княжны... И вдруг глаза его остановились на корявом сучке, торчавшем совсем не к стати сбоку нашей красавицы.

– Знатная елочка! – проговорил он. – Надо сравнять дерево! – произнес Игнат и в одну минуту отмахнул топором корявую ветку и отшвырнул ее в сторону.

Красавица-елочка облегченно вздохнула.

Слава Богу, она избавлена от безобразной ветки, так портившей ее сказочную красоту, теперь она вполне довольна судьбою...

Лакей Игнат еще раз заботливо оглядел со всех сторон елочку и понес ее наверх – в огромную и пышно обставленную княжескую квартиру.

В нарядной гостиной елочку окружили со всех сторон, и в какой-нибудь час она преобразилась. Бесчисленные свечи засияли на ее ветвях... Дорогие бонбоньерки, золотые звезды, разноцветные шары, изящные безделушки и сласти украшали ее сверху донизу. Когда последнее украшение – серебряный и золотой дождь заструился по зеленой хвое елочки, двери зала распахнулись, и прелестная девочка вбежала в комнату.

Елочка ожидала, что маленькая княжна всплеснет руками

при виде такой красавицы, будет в восторге прыгать и скакать при виде пышного дерева.

Но хорошенькая княжна только мельком взглянула на елку и произнесла, чуть-чуть надув губки:

– А где же кукла? Я ведь так просила папу, чтобы он подарил мне говорящую куклу, как у кузины Лили. Только елка – это скучно... С нею нельзя играть, а сластей и игрушек у меня и без нее довольно! Вдруг взгляд хорошенькой княжны упал на дорогую куклу, сидевшую под елкой...

– Ах! – радостно вскричала девочка, – вот это чудесно! Милый папа! Он подумал обо мне. Какая прелестная куколка. Милая моя! И маленькая княжна целовала куклу, совершенно позабыв о елке. Красавица-елка недоумевала. Ведь гадкий, так безобразивший ее сучек был отрублен. Почему же она – пышная, зеленокудрая красавица – не вызвала восторга в маленькой княжне?

А корявый сучок лежал на дворе до тех пор, пока к нему не подошла худая, измученная повседневной тяжелой работой, бедная женщина.

– Господи! Никак ветка от елочки! – вскричала она, стремительно наклонившись над корявым сучком.

Она бережно подняла его с земли, точно это был не корявый сучок, а какая-то драгоценная вещь, и, заботливо прикрывая его платком, понесла в подвал, где снимала крохотную каморку.

В каморке, на ветхой постели, прикрытой старым ватным

одеялом, лежал больной ребенок. Он был в забытьи и не слышал, как вошла его мать с елочной веткою в руках. Бедная женщина отыскала в углу бутылку, воткнула в нее корявую елочную ветку. Затем она достала хранившиеся у нее в божнице восковые огарки, принесенные ею в разное время из церкви, старательно прикрепила их к колючей ветке и зажгла. Елочка загорелась приветливыми огоньками, распространяя вокруг себя приятный запах хвои. Ребенок внезапно открыл глаза. Радость засветилась в глубине его чистого, детского взора... Он протянул к деревцу исхудалые ручонки и прошептал, весь сияя от счастья:

– Какая милая! Какая славная елочка! Спасибо тебе, родная моя мамочка, за нее... Мне разом как-то легче стало, когда я увидел милое зажженное деревцо.

И он протягивал ручонки к корявому сучку, и корявый сучок мигал и улыбался ему всеми своими радостными огоньками. Не знал корявый сучок, что доставил столько радости бедному больному в светлый рождественский сочельник.

Маля

Святочный рассказ

Тихая и ясная рождественская ночь... Когда-то, почти две тысячи лет тому назад, в такую же ночь родился в вифлеемской пещере Спаситель мира.

А сейчас, осторожно ступая по снегу своими рваными подметками, которые вот-вот грозят отвалиться каждую минуту, Маля думает о том маленьком Боженке, который родился в эту ночь далеко-далеко, под синим и теплым вифлеемским небом. А сама все шагает да шагает вперед.

Маля – сирота и маленькая арфистка. У нее нет ничего, кроме ее золотой арфы, завещанной ей мамой, которую Маля помнит и любит, как самое дорогое в мире.

Малина мама тоже была арфисткой и вместе с Малей ходила по дворам, играла и пела. Теперь же, когда мама умерла и лежит, зарытая под снежным сугробом, на далеком кладбище для бедных, Маля ходит с арфой по дворам одна, играет и поет добрым людям, а те ее награждают или мелкими деньгами, или краюшкой хлеба, или куском пирога в лучшем случае. Этими-то скудными подачками и существует Маля.

Сегодня она особенно хорошо играла и пела, эта маленькая, двенадцатилетняя Маля. Но сегодня почему-то добрые люди мало замечали бедную девочку в нищенском платье и стоптанных башмаках.

Сегодня все заняты приготовлением к празднику. Ведь завтра Рождество Христово. Сегодня канун его, сочельник. Маля знает это твердо, потому что покойная мама рассказывала ей много-много раз о крошечном Боженьке, родившемся в эту ночь.

И Маля не может без слез умиления вспомнить о Нем. Родился, пришел в мир для того, чтобы спасти людей, принять их грехи на себя и оправдать их перед Богом-Отцом! Добрый, дивный Боженька! Почему, однако, он позабыл ее, Малу, сегодня?

Положим, погода мягкая и теплая нынче, точно и не зима совсем; не чувствуется холода, несмотря на легкое, ветхое платьишко и куцую душегрейку, в которой ходит по улицам Маля. Но на то голод...

Боже Великий, как она голодна сегодня. Как ей хочется кушать, бедняжке! С утра не было маковой росинки во рту у девочки.

Вчера с вечера поужинала только коркой сухого хлеба, и теперь жестокий голод дает себя чувствовать, как никогда.

Бедная Маля! Бедная малютка!

Сколько раз пробовала она заходить во дворы сегодня и начинала петь тонким детским голоском, аккомпанируя себе на арфе. Но никто не слушает ее. Никто не хочет слушать! Все заняты своим делом, все спешат, суетятся, готовятся к завтрашнему празднику... Не до Мали нынче всем этим людям... Не до ее пения и игры на арфе. Куда уж тут!

* * *

Голод дает себя чувствовать все сильнее и сильнее. Голова Мали начинает кружиться от слабости. В ушах закипает звон. Тяжелеют ноги. Едва передвигая их, тащится ослабевшая девочка, волоча за собою свою тяжелую арфу. Еще несколько шагов – и она не выдержит, упадет на холодный снег, обессиленная, голодная, чуть живая...

Внезапно глаза Мали поднимаются к небу. Среди миллионов звезд, усеявших его, одна самая яркая и большая звезда глядит на нее светло и радостно, мигая, прямо вниз на нее глядит, Малу.

– Звездочка, милая, хорошая звездочка, – шепчет арфистка, – ты знаешь, где находится сейчас Младенец-Боженька. Отведи к нему туда бедную Малу. Она голодна и устала. Она не может бродить больше по улицам. Ты знаешь, милая звездочка, куда меня нужно отвести!

А голова девочки кружится все больше, все сильнее от го-

лода и усталости. И сильнее звон у нее в ушах и мучительно подгибаются усталые ноги...

* * *

Что это?

Улыбается звездочка, кивает с небес и протягивает лучи свои Мале. Потом скользит, опускается вниз... Вот она ниже, еще ниже... Вот остановилась чуть повыше головы Маля, перед лицом девочки, и как будто манит ее к себе.

– Идем, Маля, идем! – точно слышит маленькая арфистка ее призывный голос. И скользят неверно вперед измученные, усталые Малины ноги. Идут обе... Одна продвигается вперед – это звездочка. Маленькая арфистка немного позади – за нею Маля двигается словно во сне... В каком-то полубытьи шагает девочка.

Вот незнакомый дом перед нею. Широко раскрыты настежь двери. Усланная коврами широкая лестница и огромная полутемная зала... Кто-то движется в ней, шумит стульями, шепчется чуть слышно. И вдруг все исчезает из глаз Маля! И зала, и люди,двигающиеся в темноте... Все исчезло, кроме путеводной звездочки перед глазами арфистки. Маля смотрит и не верит глазам своим...

Перед нею вифлеемская пещера... С просветленным, радостным лицом склонилась молодая прекрасная Богоматерь над яслями, в которых лежит крошечный Младенец. И ста-

рец Иосиф тут же: стоит и любуется Божественным Дитятей... А кругом них теснятся ангелы, белокурые и темноволосые, с детскими милыми личиками, и все они поют хором радостную и мелодичную песнь.

Эта песнь показалась до того красивой Мале, что руки ее сами собой коснулись струн золотой арфы и она заиграла чудесную мелодию, аккомпанируя маленьким ангелочкам. Потом незаметно стала сама вторить им своим тоненьким звонким голосом, запела, обратившись лицом к Божественному Младенцу, лежащему в яслях. И песнь ее звучала, как молитва. И струны арфы вторили ей.

Маля просила маленького Боженьку, чтобы Он призрел ее, не дал бы ей погибнуть. Она голодна и одинока, бедная маленькая Маля, и жизнь ее со смерти мамы также одинока и грустна!

Голосок девочки звенит и переливается, и золотые струны арфы звенят и переливаются вместе с ним.

И крупные слезинки выкатились из глаз Мали и повисли на ее длинных ресничках.

Потом все исчезло как-то сразу... И вифлеемская пещера, и ясли с Божественным Младенцем, и Богоматерь, и ангелочки.

Точно какой-то занавес задернулся перед глазами Мали, и в зале стало сразу светло.

Зала была полна народу, взрослыми и детьми всех возрастов, одетых одинаково в серые платья и пестрые передники.

Детей было много-много, гораздо больше, нежели взрослых! Но что это были за дети, Маля не знала.

* * *

Когда Маля очнулась и пришла в себя от охватившего ее изумления, она увидела нарядную гостиную с пылающим камином, красивую молодую даму и мальчика, приблизительно одного с нею, Малею, возраста, с сочувствием и лаской глядевших на нее.

Смутно помнит, как во сне, Маля, что красивая дама привела ее сюда из большой залы, усадила на стуле и попросила сыграть ей что-нибудь на арфе. И Маля играла и пела, а красивая дама и мальчик слушали ее с большим вниманием и улыбались ей сочувственной, доброй улыбкой.

– Хорошо, девочка, хорошо! – кивая головою, говорила ей дама. – Ты прекрасно играешь, и у тебя премиленький голосок.

Ты останешься с нами, будешь учиться играть и петь серьезно, и в то же время проходить и другие науки. А теперь пойдем в столовую. Я велю накормить тебя и переодеть. Ты, вероятно, голодна?

Но нет, Маля уже не чувствовала голода. Ей хотелось еще и еще повидать маленького Боженьку в яслях, и она робко заикнулась об этом красивой даме.

– Теперь живые картины уже кончились, моя девочка, –

ласково отвечала ей та и погладила по головке маленькую арфистку, – теперь приютские детки будут разбирать елку и смотреть волшебный фонарь.

Так вот что это было! Живая картина в честь Рождества Христова!.. Живая картина в детском приюте!

А она, Маля, приняла Младенца, лежащего в яслях, за Живого Боженку Христа!..

И все-таки она счастлива, Маля! С того рождественского сочельника ей не надо ходить по дворам, как раньше. Ее приняли в приют (красивая дама, приласкавшая ее, оказалась главной попечительницей приюта). Маля теперь ведет новую, довольную и счастливую жизнь. Работая наравне с девочками, воспитанницами приюта, она в свободные часы под руководством учительницы занимается уроками пения и игры на арфе.

У нее большие способности к музыке, и попечительница обещала девочке заняться ее карьерой и поместить ее в одну из лучших музыкальных школ.

И звездочка Малиного счастья разгорается с того памятного сочельника все ярче и ярче с каждым днем.

Привидение

Рассказ

Все разъехались на рождественские каникулы. Нас оставалось четверо воспитанниц четвертого класса: красивая, серьезная, не по летам тихая и не по летам печальная Люда Влассовская, у которой в этом году умерли мать и маленький братишка; смуглая, черноглазая цыганка Кира Дергунова; розовая хохотушка Бельская и я, ваша покорная слуга Мария Запольская, по прозвищу Краснушка, по наклонностям казак, огненно-рыжая, отчаянно шаловливая, не признающая никакой узды.

Разъехались те институтки, что жили за городом, иногородние двадцать второго, городские – в сочельник, то есть сегодня после завтрака.

Институт опустел. Младшие классы находились в другом коридоре, очень далеко от нас; старшие воспитанницы не обращали на нас никакого внимания, как на «четвертушек», «ни то ни се», как нас называли наши постоянные враги «третьи», считавшие себя значительно старше нас. Нам не оставалось ничего делать, как слоняться из угла в угол по опустевшим коридорам, зале и библиотеке.

С великим облегчением вздохнули мы, когда раздался дребезжащий звонок, призывающий нас к молитве и чаю.

Лениво отпили мы чай, лениво поплелись в спальню, ле-

ниво разделись и улеглись по постелям.

Классная дама, или иная синявка, мечтавшая о завтрашнем праздничном отпуске, понадеялась на наше благонравие и ушла к себе спать.

С ее уходом на мгновенье воцарилась полная тишина. Вдруг Кира Дергунова, неожиданно вскочив со своей постели, очутилась около меня.

– Ты не спишь, Краснушка? Мне страшно, – прошептала она, усаживаясь в ногах моей кровати.

– Чего ты! Вот глупенькая!

– А ты разве не боишься?

– Ну, вот еще! И чего мне бояться, смешная!

– Да ты вспомни только, какая сегодня ночь, Маруся! Сочельник ведь. В эту ночь девушки гадают в деревнях. Всякая чертовщина мерещится...

– А ты разве веришь в это?

– Да... нет... А ты?

– Чепуха, я ни во что не верю. Все это глупости и вздор.

– Значит и то вздор, по-твоему, что в музыкальных комнатах, где мы на роялях играем, по ночам бродят привидения?

– Вздор. Я не верю!

– Ну, ты, душка, притворяешься.

– Дергунова, я всегда говорю правду! – разозлилась я.

– Ну, прости, Марусек, не буду... А только, знаешь что?

Мне старшие говорили, что они слышали, как иногда в за-

зальных номерах слышится иногда музыка ночью. Кто-то играет там, уверяют они.

– Вздор! Вздор! И вздор! – начала я горячиться. – Врут твои первые от большого ума! Ну хочешь, я докажу тебе, что все это чепуха, Кира? Ты говоришь, сегодняшняя ночь – ночь привидений, и если ты что-либо увидишь или услышишь, так это именно сегодня или никогда. Пойдем в музыкальные комнаты, Кира! Хочешь?

Кира молчала минуту, глаза ее стали круглыми от страха, потом она быстро схватила меня за руку холодной, как лед, рукой и прошептала:

– Хорошо. Согласна, идем! Только позовем Белку и Люду.

– Ну, нет, на это я не согласна, – горячо возразила я. – Если Белку взять, завтра же весь институт об этом узнает. А Люду... Знаешь, Кируня, Люду мне даже совестно приглашать... Она до сих пор не может оправиться от постигшего ее удара. Потерять так ужасно мать и брата в несколько дней! Не тревожь ее по пустякам, Кира. К тому же она устала и сейчас спит, и Белка спит тоже. Пойдем вдвоем.

– Ну, хорошо, пойдем! – нерешительно произнесла Кира, и я отличию видела по ней, что она трусила.

Мы наскоро накинули нижние юбки, платки и босые прощмыгнули в коридор. Миновали его, спустились во второй этаж, где помещалась зала с примыкавшими к ней музыкальными комнатами. Дрожа от холода и страха, мы осторожно открыли дверь, ведущую из залы в музыкальные крошечные

комнатки-номера, и вошли в один из них.

– «Этот» как раз подле! – шепнула мне Кира. – Привидение играет в седьмом номере, а это восьмой. Значит рядом.

– Ну, вот и отлично! Да что ты трясешься? Боишься разве? – умышленно веселым голосом произнесла я, скрывая этим мое собственное странное волнение.

– Ну, вот еще! – храбро тряхнула головой Кира, в то время как руки ее, холодные, как лед, вцепились в мои.

В комнатках было темно и жутко. Крошечные окошки, выходящие в сад, едва пропускали слабый неровный свет месяца. Белые лунные пятна ложились на пол.

Мы сели, обнявшись, на круглом зеленом табурете и стали тихо беседовать между собой.

– Как у нас сегодня славно в деревне! – говорила я. – Папа устраивает елку для крестьянских ребятишек. Они соберутся все в школу... Славные, румяные такие бутузы!.. Пропоют тропарь празднику, елку зажгут, гостинцы поделают, а там колядовать пойдут по деревне... Хорошо! А кругом-то сугробы, снег... Огни в избушках, а наверху звезды, без счета, без числа. Прелесть, как хорошо! А у вас хорошо бывает в этот вечер, Кира?

Она задумалась на минуту. Потом черные цыганские глаза ее заискрились.

– И у нас хорошо! И у нас елка. В офицерском собрании или в нашей квартире. Ведь папа – командир полка... Он и устраивает елку для детей офицеров. Ужасно весело! Пол-

ковой оркестр играет... Дамы нарядные, веселые... Ужасно досадно, что так далеко наш город и я не мо.....

Кира внезапно смолкла и глаза ее округлились от ужаса... В соседнем номере совершенно ясно слышались тихая, красивая музыка... Вот она повторилась... Вот еще и еще... Вот перешла в чудную, захватывающую мелодию.

Кира стояла белая, как мел, предо мною, щелкая зубами и вся дрожа, как в лихорадке. Я сама, должно быть, была не лучше... Всю меня трясло... Страх наполнил мою маленькую душу.

– Бежим! – прошептала Кира, и, схватившись за руки, мы кинулись бегом из комнатки.

Но в ту минуту, как мы перешагнули ее порог, музыка разом прекратилась и прямо перед нами выросла высокая, тонкая, белая фигура.

– А! – прокричала Кира не своим голосом.

Я же, не помня себя, рванулась вперед прямо к белой фигуре и вдруг невольно отступила в удивлении.

– Люда? Ты!

Да, это была она, наша тихая, кроткая Люда, твердо переносившая свое большое горе.

– Простите! Я напугала вас. Ради Бога, простите! – заговорила она своим тихим печальным голосом. – Но я часто прихожу сюда ночью играть эту пьесу, которую играла покойная мама. Когда все стихнет и уснет, мне как-то лучше и приятнее мечтать здесь о мамочке и брате. Мечтать и играть

мамину пьесу, которую я никогда ни при ком не играю. Я не знала, что напугаю вас! Простите!

– Полно, Люда! Разве ты виновата? – поспешила я успокоить девочку и крепко поцеловала ее.

Кира последовала моему примеру. Она была очень сконфужена теперь.

Потом мы все трое поднялись в дортуар, где металась на смерть перепуганная нашим исчезновением Белка.

С этих пор Кира не верила в существование привидений, а Люда уже не играла больше по ночам свою пьесу.

Благодетель

Рассказ

I

В большой, просторной квартире огромного дома жил старый полковник. Он был одинок, не имел семьи и казался всем людям суровым и нелюдимым. Лет десять тому назад вышел в запас Алексей Маркович Билин и поселился в своем собственном доме в роскошной квартире, с верным своим денщиком Афанасием и глухой кухаркой. Еще будучи на службе, Алексей Маркович получил наследство в виде этого дома от своего старшего брата, который тоже умер бездетным.

Алексей Маркович Билин занимал средний этаж дома, а верхний и нижний отдавал внаймы. Кроме больших и средних квартир находился в доме и подвал, занимаемый бедняками.

Алексей Маркович был суровый хозяин. Любил, чтобы плату за квартиры вносили аккуратно, и за малейшее промедление выселял жильцов. Жильцы, преимущественно бедняки, трепетали при одном появлении Билина во дворе и всячески избегали с ним встречи... Его седые нависшие

брови, пронизательные глаза и седые же угрюмо свисшиеся усы внушали невольный страх перед старым полковником. И он был доволен этим. Он не искал дружбы с людьми и чуждался их. Станный человек был полковник...

I

– Мама! дорогая! Худо тебе? Что ты опять стонешь, голубушка? Не хочешь ли водицы испить? А то сбегаю в аптеку... Упрошу как-нибудь отпустить нам в долг лекарства! – и золотистая головка малютки прильнула на подушку жалкой, убогой кровати, на которой металась и стонала в жару больная женщина.

Еще шесть недель тому назад портниха Марья Ивановна, занимавшая небольшую комнату подвального помещения в доме полковника Билина, могла сидеть за швейной машинкой и шить платья, которые она поставляла за гроши на всех небогатых обитательниц большого дома. Но случилось несчастье. Бедная женщина простудилась, слегла в постель и более полутора месяца не могла не только работать, но и ходить по своей убогой комнатке. Ее сынишка, белокурый Вася ухаживал, как умел за больной мамой. Все шло довольно сносно до тех пор, пока жалкие гроши, скопленные бедной вдовою, не пришли к концу, и в один печальный день она и Вася поняли, что не на что купить ни хлеба, ни лекарства. Тут-то и началось мученье. Пришлось продать все, что име-

лось сколько-нибудь годного, татарину за бесценок. Частью заплатили за квартиру, частью проели вырученные деньги.

– Не беда! – говорила слабым голосом больная. – Не горюй, Васюточка, встану, поправлюсь, буду втрое работать и поправим наши дела.

Но увы! Это были одни мечты и только! Больная не вставала, не поправлялась... Денег достать было неоткуда... Между тем подоспевал новый месяц платы за квартиру, а чем платить и как платить, не знала несчастная женщина.

– Мама, сегодня старший дворник приходил! – с дрожью в голосе произнес как-то утром Вася, пряча побледневшее, исхудалое личико на груди матери. – Грозился хозяину пожаловаться, если мы завтра не заплатим. Но это ничего, не волнуйся, дорогая, не зверь же хозяин, поймет, что нельзя же тебя больную, хилую, выгонять на мороз, мамочка! – и Вася, глотая слезы, покрыл горячими поцелуями иссохшее от недуга лицо матери.

Марья Ивановна тяжело вздохнула. Она слышала много рассказней о суровости и строгости домовладельца, и мучительная тоска наполнила сердце несчастной женщины.

III

Снова дня через три приходил дворник. Снова бранился, топал ногами и божился пожаловаться хозяину, если к вечеру ему не будет отдано за квартиру.

Ему в ответ летели стоны Марьи Ивановны и горькие рыдания Васи.

Громко хлопнув дверью, он ушел, а через час на пороге подвала появилась рослая фигура с нависшими усами, с грозным взором, сверкавшим из-под козырька военной фуражки.

С испуганным криком бросился Вася к матери, как бы заслоняя ее от нежеланного гостя.

– Я пришел за деньгами! – произнес хозяин, в то время как пронзительно острые глазки его окидывали убогую, нищенскую обстановку комнаты.

– Но нам нечем платить, – простонала больная, – повермените, Бога ради... Дайте мне оправиться, встать... Вот заработаю и выплачу все до копейки...

– Долго этого ждать придется, матушка – произнес сурово полковник, – коли вы больны, отправляйтесь в больницу, а даром занимать свою квартиру я не могу позволить...

Больная заплакала.

– И рада бы была в больницу! – произнесла она... – Да куда дену мальчика? Пропадет он без меня.

– А уж тут я ничего не могу поделать, – произнес сурово хозяин. – И вот мой последний сказ: очищайте к вечеру квартиру. Даю вам три часа сроку...

Сказал и повернулся, чтобы уйти... как вдруг что-то неожиданно упало к его ногам. Золотистая головка припала к его коленам, слабые детские ручонки обвили их...

– Добрый, добрый барин! – шептал, задыхаясь, маленький Вася, – не гоните нас! Да вы не выгоните, я знаю... Вы кажетесь только таким суровым да строгим, а на самом деле у вас доброе сердце, барин золотенький... Вы поймете, как нам трудно с мамочкой с тех пор, как она заболела... Но она поправится, наверное, и тогда все хорошо будет... Повремените только с уплатой... И маленький Вася вас за это благословлять будет и любить после мамочки больше всего на свете.

Что-то дрогнуло в суровом сердце старика. Никто еще не говорил с ним так ласково и просто. Все боялись и чуждались его, и вдруг этот маленький белокуренный мальчик так смело спрашивает его...

– Кого ты просишь, мальчуган, – вырвалось помимо воли из груди полковника, – разве ты не знаешь, что говорят про меня у нас в доме люди?

– Знаю! – смело глядя на него своими честными правдивыми глазенками, отвечал Вася.

– И все-таки не боишься меня? – чуть-чуть улыбнувшись, спросил старик.

– Не боюсь, – отвечал Вася, – вы не такой вовсе, вы добрый... Только горе у вас, верно, было большое, или люди вас много обманывали, оттого вы и стали чуждаться людей, оттого и требовательнее к ним стали. Так мне мама говорила, – заключил свою речь мальчик.

– Хорошая у тебя мама, видно, – произнес хозяин, – слав-

ного сынишку вырастила она, – совсем уже иначе, мягко и ласково прозвучал его голос, – и скажи твоей маме, чтобы не беспокоилась она ни о чем покамест... За квартиру пока что не надобно платить...

И поспешно вышел из убогой конурки.

Благодарные слезы бедняков были ему ответом.

IV

Что случилось с Алексеем Марковичем? Никто не узнавал старика. Лицо его просветлело, глаза глядели мягче и добрее... При встречах с людьми он не отворачивался от них, как бывало, а приветливо отвечал на поклоны жильцов.

Угадал сердце старика белокуренький мальчик. Правда, ничего злого не было в натуре Били-на... А только часто приходилось ему наткаться на злых недобрых людей в его жизни, которые обманывали его, и ожесточилась вследствие этого его душа, стал он подозрительно относиться к людям, всюду видя обман и подвох.

Но с той минуты, как, глядя ему прямо в глаза ясным открытым взором, белокуренький мальчик высказал свое мнение о нем, захотелось старому полковнику оправдать это мнение, и стал он иначе относиться, добрее и проще, к окружающим людям. А тут еще новая привязанность запала ему в сердце. Не выходит из головы его белокуренький Вася... День и ночь думает о нем старик.

– Вот бы ему такого внучка!

И стал навещать все чаще и чаще в убогую каморку швеи Алексей Маркович. Стал подолгу беседовать с Васей и все больше и больше привязываться к милому ребенку.

Однажды с губ Билина неожиданно сорвалась фраза:

– А что, Васюта, возьмете вы с мамой деньжонок от меня столько, чтобы открыть мастерскую, делишки поправить, хорошую квартирку взять? А?

Но Марья Ивановна, услыша это, только печально покачала головою.

– Нет, барин хороший, – произнесла она, – не возьму я от вас денег... Брать в долг не могу – не отдать мне, а так – не нищие мы, чтобы милостыней питаться... Вот встану, заработаю, тогда другое дело, можно и переехать будет...

Поник головою старик. Не было еще случая в его жизни, чтобы люди от подарков отказывались, и еще больше расположилось его сердце к маленькой семье.

V

Прошло еще две недели. Марья Ивановна медленно поправлялась... Старик Билин ломал голову, как бы помочь Васе и его матери, и вдруг счастливая мысль озарила его.

Встряхнулся Алексей Маркович. Надел мундир и стал разъезжать по старым знакомым, которых около десяти лет не видал... Стал всюду в знакомых домах рассказывать о пе-

чалном положении Васи и его матери и тут же предложил устроить сообща концерт. Его огромная квартира могла вместить целую массу публики. Пригласили певцов, музыкантов, певиц... Назначили день концерта... Всем участникам его было рассказано о печальном положении крошечной семьи. Знаменитые музыканты не пожелали брать денег за свое исполнение и отказались от платы за концерт в пользу Васи. Каждый гость, каждая гостья платили за присутствие на концерте, сколько хотели и могли. Каждый клал свою лепту на тарелку; поставленную на стол посреди залы. Это деньги назначались Васе и его матери. Перед началом концерта Алексей Маркович послал денщика за мальчиком, наскоро передел его в новый, хорошенький нарядный костюмчик, купленный им для Васи, и представил своего маленького друга своим гостям.

Ах, какой это был чудесный, памятный вечер для Васи.

По окончании концерта Алексей Маркович вручил мальчику полную тарелку монет... Это не был подарок одного лица, это была заработанная плата людей, которым ничего не стоило спеть песню или сыграть пьесу. Так было объяснено Васе, чтобы он не вздумал отказываться от денег. Потом счастливого мальчика отправили к матери... Марья Ивановна горячо благодарила Бога за посланного ей Им благодетеля и ежедневно молилась о здравии раба Божия Алексея.

Вскоре она с Васей переехала из подвала, наняв хорошенькую светленькую мастерскую в том же доме.

Вася часто виделся со своим благодетелем. Алексей Маркович Билин и сын портнихи – закадычные друзья на всю жизнь.

Герои

Рождественский рассказ

У ротмистра Левадова и его жены на Рождество – гости. Пришли: корнет Кузнецов, великий мастер показывать фокусы; корнет Фишер, чистенький, гладенький немец; вольноопределяющийся Вадимов, молоденький и веселый, как ребенок, товарищ и закадычный друг, несмотря на разницу лет, Вили Левадова – кадета, сына ротмистра. Пришли и дамы.

– Господа, прошу сначала поужинать и чайку выпить, чем Бог послал, а потом и поиграть и поплясать можно. Елку у нас, по раз и навсегда установленному обычаю, зажигают ровно в двенадцать ночи, – говорил с любезной улыбкой ротмистр Левадов, бравый сорокалетний офицер с мелкой проседью в густых черных волосах и со шрамом во всю щеку.

Ротмистр служил в пограничной страже и в его обязанности входило следить, чтобы никто не перевозил товаров через границу, не оплаченных таможенной пошлиной. Но известно, что встречается много людей, занимающихся тайным провозом всевозможных иностранных изделий – контрабандой. И эти отчаянные смельчаки вступают нередко в открытую борьбу с пограничной вооруженной командой. Шрам на лице ротмистра был следом ножевого удара, нанесенного ему одним из таких спасавшихся от преследования контрабандистов. Давно, лет пять тому назад, от известного по

всей местности Иванки Баранка, главного вождя и воротилы всей Н-ской контрабанды, получил ротмистр Левадов этот ножевой удар. Сам же Иванка увернулся, скрылся, оставив на лице бравого офицера неизгладимый шрам на всю жизнь. Рана давно зарубцевалась и обратилась в простую белую полосу, идущую от виска к левой ноздре; но открытое, честное, симпатичное лицо Алексея Васильевича нимало не потеряло своей привлекательности вследствие этого шрама.

Встали из-за ужина довольно поздно и прошли в гостиную – большую, просторную комнату. Ольга Владимировна, супруга ротмистра, села за рояль и заиграла красивый модный вальс – «Осенние мечты».

– Ваше высокоблагородие! Ваше высокоблагородие! – неожиданно донеслось с порога комнаты по адресу хозяина дома. – Извольте выйти в кухню; вахмистр там, ваше высокоблагородие, дожидается по очень важному делу, – неслышную тенью появившись в дверях, докладывает денщик Чернощепкин. В миг обрывается певучая мелодия, и «Осенние мечты» разлетаются, как встревоженные птицы. По лицу Чернощепкина заметно, что случилось нечто необычайное.

– Прошу извинения, господа... – брякнув шпорами, говорит ротмистр и идет в кухню. Он возвращается оттуда спустя несколько минут с озабоченным лицом и встревоженным взглядом.

– Я должен еще раз извиниться, господа, но мне необходимо сейчас же отлучиться из дома. Контрабандисты во главе с

самим Иванкой Баранком, нашим старым знакомым, решили перейти нынче, пользуясь святочным праздничным вечером, границу с товарами, и надо во что бы то ни стало их подкараулить и изловить. Вы же продолжайте веселиться, господа. Через час я и корнет Фишер, которого я беру с собою, будем обратно и присоединимся к вам.

– А мы, Вадимов и я, разве не понадобится мы вам, господин ротмистр? – спросил своего начальника Кузнецов.

– Нет, господин корнет, на этот раз мы справимся одни. Разведчики донесли мне, что контрабандисты нынче собираются в самом скромном числе. Главный же интерес сосредоточен на этом разбойнике Иванке, которого необходимо нынче же изловить. Мои молодцы великолепно, надеюсь, справятся с этой задачей. А вы пока что, Кузнецов и Вадимов, развлекайте дам и барышень, старайтесь не давать им волноваться. Ведь право же, маленькая горсточка контрабандистов – ничто перед моими молодцами-солдатыками. Чернощепкин, давай мне скорее пальто, саблю и револьвер в кобуре, – приказал денщику Алексей Васильевич.

Ротмистр пошел переодеться. Его жена последовала за ним, встревоженная этой неожиданной охотой на контрабандистов, да еще под самый праздник, который все приготовились встретить радостно в интимном кружке близких знакомых. Молодежь оставалась в гостинной. Все казались очень озабоченными новым появлением знаменитого Иванки, проводившего не раз самых опытных пограничников и выкиды-

вавшего такие неожиданные по ловкости, хитрости и проворству штучки, что весь пост, все пограничное население было невольно заинтересовано личностью удалого и неуловимого контрабандиста.

– Ах, если бы вы знали только, что это за ловкач! – восторженно говорила Надя Кузнецова, сестра молоденького корнета, – и бесстрашный он, и отчаянный на диво. Ничего не боится. Раз он переоделся, например, нашим же пограничным стражником и прошел незамеченным через пост.

– И представьте, даже при дневном свете, – вторила ей ее младшая сестра Маня.

– Ах, как мы с мамашей боялись тогда, – вступила в разговор третья барышня, гостья.

– Вот уж неправда, – вскричал Виля Левадов, юный хозяин дома, и серые глаза его вспыхнули. – Ничего страшного в нем нет и никогда и не было даже. Он, правда, ловкий, хитрый парень, но бояться его просто смешно. Если бы можно было, то я попросил бы у папы револьвер и тоже пошел бы в секрет с нашими солдатиками на поимку Иванки.

– А не струсил бы? – лукаво прищурился на мальчика Вадимов.

– Ну вот еще! – и серые глаза вспыхнули ярче, а губы презрительно улыбнулись. Виля словно вырос в эту минуту и выпрямился, как стрелка, желая показаться совсем большим. Вдруг быстрая, как молния, мысль промелькнула в голове мальчика. А что если доказать им всем его, Вили-ну,

храбрость не только на словах, но и на деле? Что если попросить отца взять его, Вилю, с их пограничным отрядом? Ведь он, Видя, может даже быть полезен. Он поможет открыть местопребывание опасного контрабандиста. Ведь он меньше их всех ростом и менее других будет замечен зорким глазом Иванки и его товарищей, а таким образом и он внесет свою лепту в общее дело. Да недаром же он сын своего отца и сам будущий офицер. О, если бы только убедить папу взять его с собою! И при одной мысли об этом уже приятная дрожь охватывает юного кадетика. Незаметно исчезает он из гостиной и прокрадывается к отцу. Тот, уже совсем готовый, при сабле и кобуре с револьвером, отдает последние приказания вахмистру:

– Ты, Силантьев, заляжешь с полувзводом под кустами у канавы, а Иртенко отправишь за холм. Понял меня?

– Так точно, понял, ваше высокоблагородие, – отчеканивает тот.

– И чтобы живым, здоровым и невредимым доставить мне этого разбойника! Слышишь, братец?

– Так точно, слышу, ваше высокоблагородие.

– Ступай! А тебе что надо здесь, Виктор? – неожиданно заметив сына, спросил Алексей Васильевич.

– Папа, голубчик, родной, милый, возьми ты меня с собою, я тоже хочу ловить Иванку. Ради бога, возьми, – взмолился чуть ли не со слезами Виля.

– Да ведь рано тебе, клоп ты этакий, в наших экспедициях

участвовать, – засмеялся ротмистр, ущипнув румяную щеку сына, – ведь револьвера тебе я и в руки не дам!..

– Я «монтекристо» возьму, папочка, мое «монтекристо», оно безопасно вполне. И с нашими стражниками засяду в секрете.

– А шальная пуля? – уже серьезно и тревожно напомнил отец. – Ведь Иванка Баранок не из тех, кто даром станет отдавать свою свободу. Вспомни это, мой мальчик.

– Но я не встану, не выйду из засады, папочка, пока ты мне сам не позволишь, – продолжал просить молящим голосом Виля, – я при Михаиле Скоргуче неотлучно находиться буду... Он не пустит меня в опасное место, ты же знаешь!..

Михайло Скоргуч – пожилой стражник, отслуживший уже вторую службу на Н-ском посту, был кем-то вроде дядьки при юном Виле Левадове, когда тот приезжал из корпуса на каникулы домой, и ему-то уже, во всяком случае, ротмистр Левадов мог вполне спокойно доверить сына. После недолгих колебаний позвали Скоргуча и поручили его попечению и заботам юного добровольца Вилю. Мать было запротестовала против такого решения и воли отца, отказывалась отпустить в опасное, по ее мнению, предприятие мальчика, но сам Левадов успокоил жену.

– Ничего, Оленька, не случится с нашим героем. К тому же он у нас будущий военный; пускай же приучается с малолетства на практике к нашей службе. А что касается опасности, то будь спокойна, Михаиле его в обиду не даст, и наш

Виля будет как у Христа за пазухой у него под крылышком.

Скрепя сердце Ольга Владимировна дала свое согласие, и Виля, задыхающийся от восторга, важно промаршировал перед гостями в теплом тулупчике, в высоких сапогах, с «монтекристо» через плечо, вызывая возгласы удивления со стороны дам и барышень. Он уже и сейчас чувствовал себя настоящим героем.

* * *

Темная, теплая и сырая декабрьская ночь... Месяц то скрывается за тучами, то выплывает снова, светя неверным, причудливым светом сквозь непрерывную мелкую сеть дождя. Отряд ротмистра Левадова разделился. Часть его ушла за ближние холмы, часть залегла в кустах близ канавы. С этою последнею был и Виля. Но он находился здесь в полной безопасности, как уверял уходившего с другою частью пограничников ротмистра Михайло Скоргуч. Виля присел в стороне от секрета на мокро от дождя и недавнего снега пне и глубоко задумался. Воображение мальчика рисовало ему самые соблазнительные картины. Он – Виля (в мечтах, конечно!) нападает первый на след Иванки, находит его... Они схватываются не на жизнь, а на смерть... Борьба... тяжелое дыхание... скрежет зубов... Наконец, ему, Виле, удастся повалить Иванку на землю... Враг побежден... Виля криком сзывает солдат... Те сбегаются... Вяжут Иванку и здоровым

и невредимым доставляют его на пост... Он, Виля, герой... Его хвалят, его поздравляют. О его подвиге доносят в Петроград. Вилю отличают царской наградой, монаршей милостью. И когда он возвращается в корпус, все уже знают о его геройском поступке, и у всех на устах теперь его имя, имя молодого героя.

– А что, соколик, как пройти мне к Н-скому пограничному посту, родимый? К сыну на побывку из деревни иду... Мы дальние. Сына моего, чай, знаешь, соколик, он в стражниках здешних состоит. Николай Вихляк ему имя, слышал, небось? Так вот, праздничек Христов иду к нему вместиях встретить, соколик, укажи дороженьку. Мы не тутошные, мы издалеча...

Виля, глубоко ушедший в свои золотые мечты, вздрагивает от неожиданности, заметив перед собою древнюю сгорбленную старуху с котомкой за плечами и с большим увесистым узлом в руках. Тяжелая и длинная палка у нее в руке; на нее крепко опирается старуха. Виля отлично знает взводного Вихляка, бравого молодца солдата, взятого из Средней России, и охотно указывает старухе дорогу к казармам, где живет этот самый Вихляк.

– Иди все прямо, бабушка, и потом сверни налево. Видишь, там огоньки горят. Это и есть казармы поставые. Сейчас Вихляка нет там. Он ушел за холмы на поимку Иванки-контрабандиста. Да ты иди, ничего, бабушка, он через час назад вернется, твой Николай, – убежденно закончил Виля.

– Что ж, по-твоему, касатик, так уж скоро и добудут они Иванку? – не то удивленно, не то с любопытством осведомилась старуха.

– Понятно, добудут, – еще более убежденно произнес Виля.

– Ну, ну!.. – произнесла старуха и добавила, помолчав с минуту: – Удачи вам изловить удальца Иванку, а только не верится мне что-то, касатик, чтобы дался он вам так в руки живым. Слыхала я и от сына, и по пути от других добрых людей наслышана, что смелости да ловкости не занимать стать у этого самого Иванки. Ну, прощай, касатик, живи здоровенек, еще, может, повидаемся с тобой на посту у моего Николая, – и, отвесив низкий поклон Вилю, старуха заковыляла, опираясь на палку, тяжелой старческой походкой.

– Бабушка! Не туда идешь! Бери налево, – видя, что она меняет направление и идет совсем в противоположную от казарм сторону, крикнул Виля, забывший совершенно то обстоятельство, что в засаде должно прежде всего соблюдать полную тишину.

– Чего кричишь-то, Вилинька? Аль случилось что? – обратился к нему подоспевший в эту минуту Скоргуч, только что выкуривший на дне канавы свою любимую трубку... Но мальчик не успел ответить ни слова солдату. В тот же миг раздался выстрел, за ним другой, третий... Еще и еще... И тотчас же всюду замелькали огоньки потайных фонарей. При свете их засуетились, забегали стражники... Поднялась

суета. Послышались крики: «Держи!.. Лови!.. Не выпускай!.. Вон впереди... Прицеливайся... Стреляй в ноги... не выпускай... Пали, ребята!» С противоположного конца уже несли конный отряд стражников. С ними был и сам ротмистр Левадов.

– Стреляй, братцы! – скомандовал Алексей Васильевич. Снова прогремел залп, и даль ответила ему раскатистым эхом. Но и эти выстрелы остались без результата. Хитрый и ловкий Иванка успел скрыться под видом древней старухи, сумев провести неопытного Вилю, рыдавшего сейчас от досады, отчаяния и стыда.

Ровно в двенадцать, как всегда, Левадовы зажигали елку. Молодежь была весела и оживлена по-прежнему – и барышники, и молодые люди. Один только Виля мучился и страдал нестерпимо. Острая досада и злость на самого себя решительно не давали покоя бедному мальчику. «Герой, нечего сказать, какой выискался, – казнил себя мысленно юный кадетик, – выдумал тоже Иванку ловить, а сам важного и опасного контрабандиста от старой бабы отличить не умеет. Да, и отца подвел, и сам осрамился навеки».

Мрачнее тучи оставался весь этот вечер мальчик. А когда свечи на елке догорели и гости разошлись по домам, хозяева же разбрелись по своим комнатам, Виля, терзаемый угрызениями совести, пробрался в спальню отца и вылил на его груди свое горе.

Ротмистр Левадов как мог утешал сына, обещая ему дать

возможность исправить оплошность и взять его в ближайшее же «дело» с собою. Но Виля только молча покачивал головой.

– Глуп я еще, видно, молод я, папочка, – сознался мальчик отцу, – и рано мне воображать себя героем и мечтать совершать подвиги.

«Взрослеет сын, – про себя подумал ротмистр, – видит свои ошибки и признается. Хорошая будет смена».

Жужу. Сочельник в Швейцарии

I

Таля всю весну, лето и осень болела, и доктора посоветовали мамочке отвезти ее на зиму в Швейцарию. Ах, как тосковала бедная Таля, уезжая из милой России! Еще бы! Сколько близких, дорогих существ оставалось там у девочки. Самый близкий и самый дорогой – это папочка, затем няня Силантьевна, вынынчившая не только саму Талю, но и мамочку, когда мамочка была в ее, Талином, возрасте. И, наконец, Жужу – милый, черномазенький, славный пуделек с кудрявой шерстью и черными круглыми глазенками, лучший товарищ Талиных игр. Таля в каждом письме папе делала такие приписки Жужу:

«Милый Жужу, будь умный и паинька без меня дома. Я часто думаю о тебе. Здесь такие высокие горы и синее, синее озеро. А трава и цветы растут даже зимой, на воздухе. Целую твою мордочку чумазенькую.

Таля». Папа, очевидно, читал письма к Жужу, потому что отвечал Тале от имени собачки. Посылал приветствия и поклоны, а иногда отпускал такие шутки в ответных письмах, что Таля, читая их, хохотала до слез.

I

Весь ноябрь в Швейцарии, там, где поселилась Таля со своей мамой, стоял ясный и веселый, точно весна на далекой Талиной родине. Но наступил декабрь, и сразу стало нехорошо. Дождь лил непрерывно, на горах бушевали снежные метели. Ветер грозно завывал в трубе камина... Внизу, в долине, было так неприветливо, сыро и холодно.

И здесь гуляли на свободе ветры, и красивое синее озеро постоянно волновалось и билось о берег пенистыми волнами.

Маленькая швейцарка Лоло, дочь содержательницы пансионата, в котором жила Таля с мамочкой, приходила ежедневно с самого утра играть к Тале. Но теперь эти игры происходили в комнате, а не в саду пансионата, не на берегу озера, как это бывало раньше.

Лоло объясняла Тале, что на одной из гор стоит старый монастырь и что, когда в горах начинаются бури, в монастыре целую ночь звонят в огромный звонкий колокол. Звон привлекает заблудившихся путников. Они приходят в монастырь. Их кормят там, оставляют до утра, высушивают их одежды. Все это очень нравилось Тале, и она теперь непрерывно играла в «монастырь». Таля звонила в мамин колокольчик, представляя собой и колокол, и монастырскую братию, и самый монастырь, а Лоло была заблудившимся путе-

шественником. Это выходило очень весело и интересно.

Ш

– Сегодня у нас в России сочельник. Украшают елку, зажигают на ней огни. Хочешь, приходи сегодня вечером к нам. Mamочка обещала мне устроить нынче елку. Правда, самой елки мы не достали, но это ничего. Mamочка обещала украсить маленькое померанцевое деревцо. Ты придешь, Лоло? – говорила Таля своей маленькой подруге.

– Конечно, конечно! – весело согласилась та. – Тем более приду, что моя мама приготовила тебе подарок.

– Какой подарок? – удивилась Таля.

– О, это сюрприз, – лукаво засмеялась Лоло, – а о сюрпризах говорить заранее не полагается.

– Как жаль, – ответила, вздохнув, Таля, – меня так бы порадовало это: а то, подумай, папы нет, няни нет, Жужу нет, и елки тоже нет настоящей. Какое-то, совсем не интересное, померанцевое деревцо, – сокрушалась Таля, и слезы наполнили ее голубые глазки.

Но Лоло, несмотря на эти слезы, была неумолима и ни за что не хотела раньше времени открыть своего секрета Тале.

IV

– Ты скучала о черненьком Жужу. Вот он – черненький Жужу. Получай его от меня на память! – сказала Лоло, придя в сочельник вечером к подруге и раскрывая перед Талей свой фартук. На дне фартука копошилось что-то черное, мохнатое, живое. Прелестный маленький щенок-пудель тарачил на девочек свои глазенки.

– Живая собачка! О, какая прелесть! Откуда она у тебя? – оживленная, радостная, спрашивала подругу Таля.

– Неделю тому назад у нашей Нини родились щенятки. Я выбрала тебе нарочно самого хорошенького, самого черненького, который напоминал бы тебе твоего Жужу. Мы и назовем его тоже Жужу, хочешь?

– Хочу. Эго будет маленький Жужу, а тот, что дома, будет большой Жужу, – решила Таля.

После ужина мамочка зажгла елку, то есть не елку, а небольшое померанцевое деревцо, к ветвям которого она прикрепила восковые свечи. Сласти и фрукты на него повесить нельзя было. Они могли своей тяжестью согнуть нежные ветки деревца. Сласти разложили на столе, в вазочке.

Свечи разгорелись. Мамочка села за пианино и сыграла праздничный гимн родившемуся Христу, а девочки принялись за угощение.

Потом они играли все трое: Таля, Лоло и Жужу. Но бы-

ло как-то не весело. Сознание, что сегодня в далекой России у детей настоящая елка, отравляло всю радость Тале. И папочки не было, и няни, и настоящего Жужу. А другой Жужу еще увеличивал тоску Тали своим визгом. Бедная собачонка, слишком рано оторванная от своей матери, пронзительно визжала и плакала по-собачьи. Напрасно Таля угощала щенка и молоком, и булкой, и бисквитами. Он продолжал жалобно пищать.

– Унеси его лучше обратно к его маме, Лоло. Он успокоится около своих братцев и сестриц и перестанет визжать, – не вытерпела, наконец, Таля.

Лоло согласилась. Щенка унесли. Но настроение Тали немногим улучшилось от этого. Тогда мама взяла на колени свою девочку и долго и нежно утешала и ласкала ее.

Так и заснула в этот вечер Таля на коленях у мамочки.

V

Проснулась она поздним утром. Проснулась, открыла глаза и вскрикнула от удивления и радости.

Нагнувшись над ее кроваткой, стояли мама и... папа.

Папа приехал с ночным поездом, не известив заранее о своем приезде. Это был лучший подарок маме и Тале на Рождество. С радостным смехом Таля бросилась на шею папе. Целовала его долго, долго, забыв хорошенько расспросить о няне, о Жужу и обо всем, что происходило дома.

Папа привез с собой подарки из России. Привез между прочим настоящую крошечную елочку и фотографию Жужу, тоже настоящего. Жужу на карточке вышел изумительно, совсем как живой, такой черномазенький, забавный... Весело прошел для Тали праздник Рождества, хотя и на чужбине.

В рождественский вечер

Исторический рассказ

I

В доме боярина князя Никиты Филимоныча Крутоярского дым стоял коромыслом. Княжна боярышня Уленька Крутоярская нарядила всех своих сенных девушек-служанок в разные наряды скоморошеские, – кого медведицей, кого козой, кого важной боярыней, кого торговкой из плодовых рядов, что в Китай-городе, и теперь тешилась с ними разными играми, под заливчатый, звонкий, девичий хохот.

Смеялась боярышня-княжна, смеялись девушки, смеялась и сама княгиня-боярыня. Лишь одна нянюшка Степанида, – вынянчившая не только боярышню, свое красное солнышко, но и старую княгиню, которая и выросла, и расцвела, и успела состариться на ее руках, – одна только нянька эта была недовольна затеей своей боярышни и то и дело ворчала:

– Ишь затейница! Ишь бесстыдница! В какой праздник поганому делу, прости Господи, предаешься. Небось, припекут-то за такое дело на том свете. Небось и так залаете. То ли бы ладно да смирно было: сели бы чин-чином вокруг стола да на лавках да песенку бы завели какую путевую... Да сахар-

ными снедями себя потешили, да орешками в меду, да пряниками... Ан нет, мало тебе этого: завели, прости Господи, бесчинное, бесовское кружение. Чур меня! Чур! Чур! Чур!

Последние слова относились к любимой наперснице княжны – черноокой Матреше, которая с козьей личной на голове подобралась к старой Степанидушке и завертелась с ней вместе под веселый, раскатистый смех подруг.

Кое-как отделалась от шалуньи Степанидушка. Матреша быстро скинула личину козы и, заменив ее медвежьей шкуркой, забавно переваливаясь с ноги на ногу, стала изображать Мишку Топтыгина, отправляющегося за медом на пчельник. Ужимки Матрешы очень смешили княжну. Сама она, темноглазая, чернобровая юная красавица, сидела подле княгини матери и от души смеялась над веселой затеей.

Развеселилась и сама княгиня. Впервые за долгие месяцы улыбнулась она нынче. Впервые отлегло от сердца и прояснилось в душе ее после бесконечных тревог и волнений.

Тяжелое время переживала в те годы вся Русь. Обуреваемый недугами телесными и душевными, озлобленный на бояр старинных знатных родов царь Иоанн Васильевич, прозванный впоследствии за свои жестокие деяния «Грозным», устроил целое гонение подчас на лучших людей. Слишком еще живо было в памяти царя несправедливое отношение к нему знатных бояр, управлявших за его малолетством государством, чтобы он, злопамятный, подозрительный и жестокий по натуре, не пожелал отомстить за все пережитое,

перечувствованное. Теперь, окружив себя опричною, этой страшною ордою телохранителей, которую он набрал из самых «худородных» людей, ненавидящих знатных родовитых бояр, царь Иоанн Васильевич начал при помощи ее всячески истреблять старинные боярские роды.

Опричники под начальством вероломного Малюты Скуратова, царева любимца, собирали всевозможные клеветы про ненавистных им бояр и доносили царю о несуществующих винах последних. И царь производил кровавую расправу над ни в чем неповинными людьми. Их бросали в тюрьмы, мучили, пытали, а именья их отдавали опричникам. Многие знатные бояре погибли уже таким образом. Было о чем тревожиться оставшимся в живых, казалось, уцелевшим чудом. Вот почему тужила и горевала тайком у себя в тереме княгиня Крутоярская.

И только последние дни поуспокоилась немного она. Стал ласковее к ее князю-супругу государь. Стал чаще приглашать его во дворец да слушать его советов. Вот и нынче, приказав явиться на праздничную вечерню, задержал его у себя в покоях после богослужения. Прислал слугу из дворца князь-боярин, прося жену и дочь не беспокоиться, потому дюже добр, ласков с ним нынче надежа-государь и не отпускает его до вечерней трапезы.

I

Душно в княжеском тереме... Раскраснелись девичьи лица, пышут ярким румянцем. Матреша давно сбросила с себя звериное обличье и теперь, по приказанию княжны Уленьки, запекает веселую плясовую, руководя хором девушек.

Улыбается довольной улыбкой и сама княжна Уленька. Черные очи горят, как звезды; усмеваются рубиновые губки. Нынче первый рождественский вечер. Первый день святок, а впереди еще много таких вечеров, много таких славных святочных гуляний. Хорошо порезвиться, да повеселиться вволюшку. Хорошо жить на свете... Хороша золотая молодость!

Вдруг сквозь громкий хор затейниц-девушек послышался стук у ворот, сильный, настойчивый. Бледнеет внезапно, услышав этот стук, княгиня, бледнеет и княжна Уленька. Не к добру этот стук. Ох, не к добру. А внизу, в сенях, уже слышатся нетерпеливые шаги. Бежит кто-то, быстро, быстро перебирая ногами по ступеням лестницы. И белее стены белой появляется на пороге молодой холоп.

– Княгиня-матушка, боярыня... Княжна-боярышня, наше солнышко красное! Спасайтесь! Христа ради, спасайтесь! Боярин наш государя великого словом прогневил... Его в тюрьму бросили... На лютую пытку, на казнь... А сейчас за тобой и боярышней поганые опричники сюда явятся с самим злодеем Малютою во главе... Добро ваше растащут...

Хоромы спалят... Холопов верных ваших перерубят... Спасайся, боярыня-княгиня матушка! Спасайся, княжна...

Едва только успел произнести последние слова гонец, как неистовый вой и плач поднялся в тереме княгини. Старая нянюшка-пестунья как стояла, так и повалилась в ноги боярыне:

– Вот оно где горе-злосчастье-то наше лютое, вот оно где! Дождались мы, горемычные, Господней кары! – в голос запричитала она. – Светика нашего, красное-солнышко, сокола ясного в темницу кинули, на лютую казнь обрекли. И куда нам, сиротам несчастным, голову приклонить теперь.

Боярыня и боярышня были сами не в себе... Без кровинки, бледные, испуганные, сидели они, словно не живые, на лавке. Грозное известие сразило их, лишило их силы двигаться, соображать, вымолвить хоть единое слово. А взволнованный гонец все торопил и торопил:

– Собирайтесь! Послушайте, родимые. Я и кибитку дорогую велел нашим холопам снарядить, да укладки с добром, что поценнее, туда снести... Живым манером тебя боярыня с боярышней домчат наши лошади до соседней обители... Там пока что приютят вас инокини Божьи, сохранят от гнева царя... Поспешайте только, Христа ради поспешайте, не то поздно будет.

– И то поздно будет, боярыня, свет-княгинюшка, – слышался звонкий дрожащий голосок, и Матреша, недавняя плясунья, выступила вперед.

– Давайте, соберем вас скорича. Лошади, слышь, с кибиткой давно готовы... у крыльца стоят.

– А князь-боярин? Ужели же ему одному помирать? – так и кинулась княгиня.

– Господь милостив. Може, и не погибнет наш боярин. А вот тебя, матушка-княгиня, с княжной-боярышней надо скорича отсюда умчать.

И говоря это, Матреша, одна не растерявшаяся из всех находившихся здесь в тереме женщин, бросилась к укладке, в которой находилось верхнее платье, вытащила оттуда тяжелый охабень и надела его на плечи княгини. Потом так же ловко и живо закутала и княжну и повела их с няней Степанидою и двумя другими сенными девушками из терема в сени, а оттуда на задний двор, где уже слышалось ржанье и фырканье нетерпеливых коней. Едва лишь успела усадить в кибитку своих хозяек Матреша и вернуться обратно в терем, как услышала громкие голоса и могучие удары кнутовищ и здоровенных кулаков в бревенчатые ворота.

Снова завыли и запричитали девушки в тереме и заметались по горнице, ища, где бы спрятаться, где бы укрыться... Но Матреша и тут не растерялась. Быстро бросилась она в соседнюю горницу. Слышно было, как она то открывала, то закрывала там крышки тяжелых укладок, шуршала шелками, звенела бусами...

И вот, появилась вскоре на пороге терема в наряде и драгоценных украшениях княжны Уленьки.

– Слушайте же, девоньки, – приказала она подругам. – Выдавайте меня все за княжну нашу, светика нашего – боярышню, чтобы истинный след их замести, чтобы дать укрыться без помехи нашим голубушкам. Слышь, девки, все как одна меня за княжну выставляйте! И кто ведает, может, и пронесет Господь мимо бояр наших лютую беду.

Сказала последние слова и опустилась на лавку в томительном ожидании незваных гостей.

III

С дикими гиканьями, свистками и непристойными шутками ворвались опричники во двор князей Крутоярских. Спешились и помчались нестройною толпою во внутренние хоромы.

Впереди всех был Малюта Скуратов; страшный, угрюмый, зверски-жестокий, с маленькими пронырливыми, бегающими глазками, он первый вбежал в терем и распахнул его дверь.

– Ты кто такая? – крикнул он подымающейся навстречу ему Матреше, пышный наряд и красивое личико которой сразу привлекли его внимание.

– Здравствуй, боярин, – с низким поклоном и приветливой улыбкой отвечала она. – Я княжна Ульяна Крутоярская. Рады-радехоньки тебе, гость дорогой. Чем потчевать тебя велишь-прикажешь? Матушка моя княгиня-боярыня, вишь,

обмерла, лежит у себя в тереме, так позволь мне тебя встретить медом да брагою, или заморским вином, чего твоя душенька пожелает.

Злодей Малюта опешил, услышав такие слова. Он привык, чтобы его всюду встречали с проклятием и ненавистью в семьях подведенных им же самим под опалу и оклеветанных перед царем знатных бояр. А эта красавица девушка, дочь именитого боярина князя, которого он, Малюта, оговорил перед царем, чтобы поживиться за счет опального, эта красивая, ласковая княжна так хлебосольно да гостеприимно встречает его! И боярином еще не гнушается назвать его, Малюту, палача, всеми презираемого, всем ненавистного.

Что-то дрогнуло в ожесточенном сердце Малюты.

– Ужь коли милость такая будет, княжна-боярышня, так поднеси меду имбирного. Я его крепче всего люблю, – произнес он ласковым голосом.

Матреша ловко и быстро наполнила до краев чарку из стоявшего тут же кувшина с медом, поставила ее на поднос и поднесла с низким поклоном Малюте.

Тот духом осушил чарку, вытер рукавом губы и лукаво усмехнулся себе в рыжую бороду.

– Ну, уж dokonчи родной обычай, княжна, не погнушайся поцеловать меня мужика-серяка сиволапого, – произнес он, зорко поглядывая на девушку из-под нависших рыжих бровей.

Матреша «не погнушалась» и троекратно поцеловалась с

ним по русскому обычаю, поздравив его с праздником.

Это еще больше подкупило его в ее пользу. Но совсем уж растаял Малюта, когда девушка предложила ему потешить его и примчавшихся с ним опричников пляской.

– Нынче праздник, первый вечер Рождества Христова, так не грех и повеселиться, чай, – говорила она, улыбаясь через силу, и, не дождавшись ответа, бросилась к подругам:

– А ну-ка, девушки, плясовую! Потешим боярыня нашего ради Христова праздничка.

Хор девушек, кое-как собравшихся с силами, грянул песню, и Матреша павой поплыла мимо восхищенного опричника.

Она особенно хорошо плясала в тот вечер, так хорошо, что Малюта не выдержал и сказал, опуская на плечо девушки свою тяжелую волосатую руку.

– Ну, княжна, ставь свечу пудовую празднику Рождества Христова. Угодила ты мне, обласкала душу мою... Никто меня из бояр крамольников не встречал так доселе. Ты первая не погнушалась мною, смердящим псом. А за это, боярышня, вызволю я твоего отца, упрошу надежу-государя его помиловать... Благодарю Бога, девушка, что наградил Он тебя такой веселой да ласковой душой.

* * *

Малюта сдержал свое слово, данное в праздник Рождества

Христова. Князя Крутоярского выпустили из тюрьмы, и, что было чрезвычайной редкостью в то время, выпустили, даже не подвергнув пытке, но сослали только в дальнюю вотчину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.